

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА «ВСЕЕДИНСТВА» В.С. СОЛОВЬЕВА В НООСФЕРНОЙ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ

М.Ю. Шишин

Труды В.С. Соловьева высоко оценены как современниками, так и нынешними исследователями его наследия. В частности, Р.Гольцева и И. Роднянская пишут о нем как о последнем бастионе «классической эстетики, существовавшей в европейском мире около двух с половиной тысячелетий и опиравшейся на онтологию Прекрасного» [2, с.8].

С 1894 года он по преимуществу посвящает себя вопросам этики и эстетики. Выходят его труды «Оправдание добра», «Красота в природе», «Общий смысл искусства». В них и в других отдельных статьях он раскрывает суть своей «положительной эстетики», опирающейся, как и вся его христиански ориентированная философия, на постулат об укорененности основных духовных ценностей в Высшем начале бытия и, значит, являющихся законом внутреннего бытия человека.

Вопрос о природе ценностей, об их онтологическом статусе, на наш взгляд, является одним из самых фундаментальных в настоящее время. Не останавливаясь на этой теме подробно, отметим только, что в европейская мысль, после трудов М.Шелера и Н.Гартмана, не возвращалась к идее об объективном характере ценностей. В то же время эта идея доминировала, как известно, в русской философии; здесь можно вспомнить блестящий труд Н. Лосского (Н.О. Лосский., 1994). Однако надо сказать, что и в современной отечественной философии идея онтологичности, объективного характера Истины, Добра и Красоты подвергается критике и размыванию, особенно в постмодернистских концепциях. Все это заставляет возвращаться к наследию В.С. Соловьева с тем, чтобы в новых условиях показать верность и мировоззренческую значимость постулатов его философии всеединства.

Начиная со своей магистерской диссертации «Кризис западной философии. (Против позитивистов)» и в последующих трудах, он резко восстает против низведения фундаментальных ценностей Истины, Добра и Красоты до уровня субъективных переживаний. Он указывает, что такая редукция превращает, например, красоту в выразительность формы: утрачивается способ распознавания и оценки красоты как таковой, она уходит в

дурную бесконечность переживаний субъекта. Негативные социальные последствия этого, в частности, в масс-культуре, сейчас уже очевидны. И, если во времена Соловьева лишь немногие, наиболее чуткие мыслители, как и он сам, отреагировали на начинающуюся деградацию культуры, то двадцатый век полностью продемонстрировал низведение высших ценностей в пропасть инферно.

Соловьев отмечал определенный разрыв между объективной Красотой и красотой осуществленной, свойственный, например философии Гегеля. Он пишет: «По гегелевской эстетике, красота есть воплощение универсальной и вечной идеи и в частных и преходящих явлениях, причем они так и остаются преходящими, исчезают, как отдельные волны в потоке материального процесса, лишь на минуту отражая сияние вечной идеи. Но это возможно только лишь при безразличном, равнодушном отношении между духовным началом и материальным явлением. Подлинная же и совершенная красота, выражая полную солидарность и взаимное проникновение этих двух элементов, необходимо должна делать один из них (материальный) действительно причастным бессмертию другого» [3, с. 243]. Здесь особо хочется выделить понятие «солидарности», ключевое для Соловьева, и в том числе для его философии искусства. Рассмотрим его подробнее.

Так, по Соловьеву, идеальное или должное бытие отличается от недостойного и недолжного отношением частных элементов, из которых состоит мир, друг к другу и к миру в целом. Он утверждает, что в идеальном «... во-первых, частные элементы не исключают друг друга, а, напротив, взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою; ... во-вторых, они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой всеобщей основе; ...наконец, в третьих, эта всеединая основа и абсолютное начало не подавляет и не поглощает частных элементов, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе» [3, с. 241]. Недостойному, по определению Соловьева, бытию, в свою очередь, присущи следующие атрибуты: «...частный или единичный элемент утверждает себя в своей особенности, стремясь

исключить или подавить чужое бытие; ... частные или единичные элементы порознь или вместе хотят стать на место целого, исключают или отрицают его самостоятельное единство, а чрез то и общую связь между собою, и ...наоборот, во имя единства теснятся и упраздняется свобода частного бытия, - все это: и исключительное самоутверждение (эгоизм), и анархический партикуляризм, и деспотическое объединение мы должны признать злом» [3, с. 242].

Солидарное единение имеет ряд существенных моментов. При признании объективного, бытийного характера Истины, Добра и Красоты, это единение сближается тем, что в русской философии называли «соборностью», истинным единением, скрепленным «духовной вертикалью». Приведем пример, показывающий прямую противоположность такого рода единению. Так, сейчас, особенно в западном мире, да и в нашем государстве, что стало дурной тенденцией последние десять лет, в социальном плане утверждается подход механического объединения социума, что не способствует развитию индивидуальности, ведет к унифицированности личности, удобному состоянию для манипуляции сознанием, как конкретного человека (например, через рекламу), так и общества в целом (яркой иллюстрацией этому являются выборные компании).

Таким образом, с опорой на философию В.С. Соловьева, можно достаточно точно определить разницу между истинным и мнимым единением: истинное единение складывается в условиях признания бытийного, онтологического статуса основных высших ценностей. Надо заметить, что эта линия в философии в настоящий момент не является доминирующей, явно довлеет позиция субъективной природы ценностей. Сформировались даже две логики, опирающиеся на разную аксиоматику – признающих и не признающих объективно онтологический характер ценностей. Доказать верность линии, которой принадлежал и В.С. Соловьев, можно на путях привлечения аргументов из других областей, в частности из естественнонаучных знаний. Для этого в настоящий момент имеется много предпосылок, и первая среди них - новый синтез естественнонаучной и гуманитарной мысли, который, казалось бы, окончательно был отвергнут западной философией XX века. Заметим, что идея синтеза была глубоко близка В.С. Соловьеву, который «в юности мечтал создать синтетическую философию христианства, примиряющую разум с верой» [6, с.87].

Среди современных философско-научных парадигм, которые на новом уровне возвращают идеи о целостности мира, об идеальном и материальном как двух его неразрывных гранях, можно назвать синергетику, глобальный эволюционизм и др. А более подробно остановимся на активно развиваемом учении о ноосфере. Заметим общее для них всех – признание целостности мира, что прямо ведет к признанию объективного статуса ценностей. Это подтверждается многочисленными исследованиями в физике, биологии, психологии и других естественных науках. Напомним лишь один пример: исследования, касающиеся «золотого сечения» выявляют единые принципы, лежащие в основе существования природы, человеческого организма и произведений искусства.

А. Эйнштейн так писал о золотом сечении: «Эта гамма пропорций, которая делает зло трудным, а добро легко выполнимым» [7, с. 278].

Ноосферное учение, в особенности на этапе его современного развития, во многом базируется на русской философии и, в частности, на учении о всеединстве Соловьева. Известно, что основоположник теории ноосферы В.И.Вернадский высоко ценил работы этого мыслителя, живо интересовался современными ему философскими течениями; со многими философами, как, например, с П.А.Флоренским, его связывала теснейшая дружба. Что касается другого основоположника ноосферного учения, П.Тейяра де Шардена, то его тоже роднит с соловьевским учением очень многое. Обнаруживается сходство их позиций. Например, преобразование материи, ее просветление у Соловьева, и главный тезис философии Шардена - движение материи от точки Альфа к точке Омега, от литосферы через жизнь, к ноосфере и Сверхжизни, Божественной среде. Ноосферная парадигма открывает большие возможности привлечь, осмыслить и органично включить в общий философский онтологоаксиологический контекст современные научные открытия.

На основе обобщения трудов и идей основоположников учения о ноосфере, а также ряда современных научных и философских выводов, нами в свое время разрабатывалась концепция ноосферы и ноосферогенеза, которая включала, прежде всего, гипотезу о существовании тонкоматериальной части реальности, имеющей общую природу с мыслью человека, и, как следствие, об определяющем полярном (позитивном либо нега-

тивном) воздействии мысли на процесс ноосферогенеза. Таким образом, в ноосфере было вычленено две составляющих: первая, совпадающая с традиционным подходом, – это собственно материально-вещественные структуры, созданные человеком: техносфера, антропогенные ландшафты, культурно-символические образования (язык, тексты, музыкальные и художественные произведения); вторая – тонкоматериальные структуры, имеющие единую природу с человеческой мыслью.

Было выдвинуто предположение о наличии, в самом первом приближении, трех «вертикальных» слоев ноосферы: 1) сфера, обеспечивающая по преимуществу телесно-витальную социально-экономическую жизнь (воспроизводство) человека – витосфера (техно- и социосфера); 2) сфера научного познания и преобразования мира – наука, интеллектосфера (по терминологии А. Гумбольдта); 3) сфера основополагающих жизненных, бытийных ценностей и целей, которую условно можно назвать эйдетической. Она субстанциально состоит из тонкоматериальных (эйдетических) форм. Эти три сферы генетически и функционально связаны между собой, образуя на «вертикали» ноосферогенеза слои с различным творческим субстанциональным качеством мысли.

Далее, каждая из этих сфер фактически является поляризованной, то есть может иметь, условно говоря, позитивный и негативный характер. Он зависит от того, соответствует ли данный предмет или явление ноосферы фундаментальным принципам бытия и эволюции, которые воплощены в духовно-нравственных ценностях, или является противоречащим им. Как отмечает Г.С. Смирнов, «...целесообразно развести понятия «ноосфера» (конкретно-историческое состояние сферы бытия человеческого сознания) и «Ноосфера» (некое идеальное, мыслимое в доступных человеку формах рефлексии). Даже такое элементарное разведение понятий снимает большинство претензий к неинструментальности термина и его недееспособности. Анализ работ В.И. Вернадского позволяет утверждать, что для него «ноосфера» есть то состояние биосферы, которое связано с функционированием в ней разума, научной мысли цивилизованного человечества, а «Ноосфера» – есть некоторое будущее состояние космопланетарной системы (организованности), которое возникает в перспективе, когда человечество в той или иной мере сможет осуществить оптимизационные и гар-

монизационные процессы глобальной среды обитания человека» [4, с. 105]. Важным наблюдением Смирнова стоит признать и введение понятия «ужасной ноосферы» – «ноосфераты», которая в большей степени нас и окружает в настоящий момент.

Исходя из этого, следует отнести к Ноосфере все позитивно поляризованные части трех уровней нашей модели. Особенно важно это отметить для эйдетической сферы. Поскольку под духом часто понимается все, что не связано с витальной сферой, то ясно, что духовность тоже может быть позитивной и негативной, созидательной и разрушительной. Об этом, например, писал еще Г.П. Федотов, рисуя «...отталкивающий образ жестокого себялюбца, самоистязания которого не скрывают, а скорее усиливают черты сатанизма...» [5, с.42]. Поэтому, по нашему мнению, правильнее эту третью сферу называть именно эйдетической. В которой, в свою очередь, можно выделить с одной стороны собственно духовную – всегда позитивную, или, по терминологии Флоренского, пневматосферу, сферу предметов, проработанных духом человека – а с другой – антидуховную субсферу.

С этих позиций целесообразно соотносить Ноосферу с истинной культурой и при определении, относится ли тот или иной предмет, явление к сфере культуры, использовать главный критерий: поддерживает ли его существование и функционирование систему отношений, в которой главными являются высшие цели и ценности. В этом случае и сам объект, и вся система в целом принадлежат к культуре. Этот вывод, сделанный с точки зрения ноосферной теории, согласуется с определением «солидарного единения» В.С. Соловьева, которое было приведено выше. Во всех остальных случаях, предметы и явления мы можем квалифицировать, в лучшем случае, как принадлежащие к ноосфере, с маленькой буквы, решающие чисто утилитарные цели и задачи, а в худшем случае – антиноосферные разрушающие и ценности и саму жизнь на этих основаниях. Раскроем это на материале из сферы искусства и культуры.

Логично вначале поставить вопрос о критериях, позволяющих оценивать конкретный артефакт, ту или иную культурную форму. Очевиднее всего, они проявляются при анализе произведений искусства. Наиболее показательным критерием, на наш взгляд, является **структурность**, или четкий «внутренний ритм» произведения. Исследования

ритма и его влияние на искусство и человека восходят к глубокой древности. Как известно, в человеческом организме насчитывается около 400 различных ритмов, человек также подчинен космическим ритмам, что убедительно показал А.Л. Чижевский. Этот критерий особенно важно подчеркнуть в условиях, когда деструктуризация стала модой, заданной, в первую очередь, течением постмодерна.

Структурная организация универсума давно стала неоспоримым фактом научной и философской мысли; мир эволюционирует именно в направлении упорядочивания, организации, поэтому апология деструктурности антиэволюционна и прямо разрушительна как для культуры в целом, так и для индивидуального сознания. Можно назвать несколько признаков структурности. Первый из них - граница произведения. Типичными примерами разрушения границы являются современные литературные произведения - Сорокина, Пелевина и пр.

Характерно, что произведения кубистов и других абстракционистов являются, по замыслу, фрагментами бесконечного орнаментального полотна и могут быть продолжены во всех направлениях. Можно возразить, что разрушение границ - то также своеобразное воплощение идеи всеединства. Но, на самом деле, здесь происходит подмена понятий. При механическом устранении границ реализуется именно не единство, а конгломерат, смешение, дурная бесконечность. Истинное единство не случайно сравнивали с кристаллом, где отдельные его грани, хотя и неразрывно связаны, но четко оформлены, отделены друг от друга. Это отделение задает как бы ритм и структуру мироздания. Вторым проявлением структурности (ритма) являются формы и пропорции, подчиненные определенным природно-бытийным закономерностям. Эту мысль очень точно выразил С. Эйзенштейн: «... когда произведение искусства - искусственное произведение - построено по тем законам, по которым построены явления природы - воспринимающий чувствует себя органически связанным, слитым, соединенным с произведением такого типа совершенно так же, как он ощущает себя единым и слитым с окружающей его органической средой и природой. В большей или меньшей степени это ощущение неизбежно в каждом из нас, и секрет состоит в том, что в этом случае и нами, и произведением управляет одна и та же закономерность» [8, т.3 с. 46].

Третий признак структурности - наличие онтологического центра произведения. Такой центр метафизически можно сопоставить с понятием Абсолюта в наиболее традиционных интерпретациях: из него все исходит и к нему все возвращается, но на новом уровне. Онтологическим центром в картине может быть центр композиции, или физический центр, точка пересечения двух диагоналей и осей симметрии. Это самая выразительная точка, наиболее привлекательная, понимаемая семантически как центр всего - ось, столп, источник высших смыслов и т.д. Можно вспомнить все ранние формы искусства, вплоть до средневекового, когда именно здесь располагался образ, главенствующий над всем (как правило, это был Божественный образ).

В целом, всякое классическое произведение искусства своим неперменным атрибутом имеет центр, главную ось, центральную часть, например портал готического храма. Этот онтологический центр произведения отражает онтологический центр бытия; это прямое свидетельство того, что художник признает наличие в мире чего-то абсолютного, естественным образом связанного с ним, как с человеком, но не тождественного ему. Причем, говоря о классическом произведении, мы имеем в виду любое произведение, независимо от вида и жанра, отвечающее одному условию - признанию объективной реальности и объективных ценностей. Можно возразить, что таковой центр отсутствует, например, в композициях восточного - китайского и японского - искусства. Он отсутствует физически, не оформлен образами, деталями, сюжетно, но метафизически его роль отведена белому фону гравюры или акварели. Белый фон, по семантике даосизма, содержит полноту мира в целом, а стало быть, он и является центром, из которого и извлекает художник образы, и которому подчиняет все в художественной плоскости.

Вторым критерием принадлежности явления к сфере культуры является воплощение в нем, в той или иной степени, всех **трех ноосферных уровней**. В пределе (в идеале) в человеческом бытии любой предмет должен воплощать в себе не только утилитарную ценность и назначение, но и высшие ценности. Например, любой инструмент даже свои прямые функции будет реализовывать успешнее, если он создан по законам гармонии, если в нем учтены выявленные наиболее оптимальные пропорции. При этом он становится эргономичнее, эффективнее и качест-

веннее (так как в пределе законы красоты и оптимальности едины). Кроме того, при этом он будет создан с максимальной экономичностью и долговечностью, а значит, использует меньше природных ресурсов. Таким образом, он будет воплощать ценности сохранения и жизни, и красоты, и знания, и как интегральное следствие - добра. Эти идеи неявно закреплены и в языке: мы говорим «добрый инструмент», «ладно сшитая одежда», «красный угол» - в смысле: красивый добрый, святой.

Конечно, предложенные критерии не являются полными или окончательными. Они представляют собой пока первое приближение к будущей системе критериев, позволяющих отделять истинную культуру от антикультуры, солидарное единение от механического смешения. Это задача дальнейших исследований многих авторов. Мы же еще раз зафиксируем актуальность и плодотворность идей одного из основоположников рус-

ской философии, В.С.Соловьева, получающих подтверждение и развитие в современной философско-научной мысли.

Литература

1. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М., 1994.
2. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1991.
3. Соловьев В.С. Сочинения. – М., 1994. - 448 с.
4. Смирнов Г.С. Философские и культурологические проблемы становления ноосферного сознания //Диссертация доктора философских наук. – М., 2000.
5. Федотов Г.П. Esse homo // Человек. - 1999. - №1.
6. Русский космизм: Антология философской мысли. - М., 1993.
7. Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии. М., 1990.
8. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения. В 6 т. – М., 1964-1971.